

П. Г. БОГАТЫРЕВ

Обзор переводов „Слова о полку Игореве“ и статей о нем вышедших в Чехословакии после второй мировой войны

Вскоре после опубликования „Слова о полку Игореве“ в России, чешские и словацкие ученые откликнулись на появление этого памятника исследованиями и переводами (Добровский, Юнгман, Рожняй,¹ Ганка, Эрбен, Шафарик, Гаттала и др.). Интерес к „Слову“ проявляется в чехословацкой науке и литературе на протяжении всего XIX—начала XX столетия, вплоть до наших дней.

Не ставя своей задачей критическую оценку трудов, вышедших в Чехословакии после второй мировой войны, ограничимся перечнем того, что сделано чешскими и словацкими авторами по „Слову“ за это время с целью ознакомления читателей с библиографией вопроса.

Первым переводом „Слова о полку Игореве“ на чешский язык после второй мировой войны был перевод Франтишка Кубки.²

В начале 20-х годов нынешнего столетия Ф. Кубка сделал перевод „Слова“, который должен был выйти с иллюстрациями чешского художника В. Г. Бруннера, но смерть последнего помешала осуществлению издания.

Появление в Праге в 1934 году книги Е. Ляцкого „Слово о полку Игореве“, изданной Пражским славянским институтом, побудило Ф. Кубку снова взяться за перевод „Слова“. Однако переводить „Слово“ он начал только в 1943 году и работал над переводом в течение двух последующих лет. Перевод этот сделан был совершенно заново. В основу его лег текст, вышедший в Праге под редакцией Ляцкого. Перевод сделан в стихах, с соблюдением в отдельных местах аллитераций. Работа выполнена под впечатлением личных переживаний Ф. Кубки во время второй мировой войны. „Счастлиное возвращение Игоря из полководческого плена связывалось в моей голове,— говорит Ф. Кубка,— с будущим походом Красной Армии от Волги к Дону, Днепру, Висле, Одеру, к Лабэ и — к Влтаве“.

Во время битвы за Сталинград Ф. Кубка договорился с издателем Карлом Нейбертом об издании „Слова“. Тогда же было решено посвящать это издание Красной Армии.

Свой перевод Ф. Кубка снабдил небольшим предисловием и послесловием. В послесловии переводчик дает высокую оценку идейному

¹ Перевод „Слова“ в стихах, сделанный словаком Рожняем (1787—1815), не сохранился.

² Slovo o pluku Igorově. Přeložil František Kubka. Kresby a typografická úprava Karel Svolinský. Vydali a vytiskli: V. Neubert a synové. Praha-Smíchov. Vydáno k prvnímu výročí pražského povstání r. 1946. Věnováno Rudé Armádě-osvoboditelce.

содержанию и художественной форме „Слова“. Перевод снабжен краткими примечаниями.

Первое издание „Слова“ в переводе Ф. Кубки вышло в Праге в годовщину ее освобождения — 9 мая 1946 года.

Второе издание было выпущено с добавлением нескольких иллюстраций Сводицкого в том же году в Праге.¹

В 1950 году вышло третье издание Ф. Кубки „Слова о полку Игореве“,² и это издание посвящено Красной Армии-освободительнице.

Перевод Ф. Кубки „Слова“ в третьем издании был коренным образом переработан на основе новой научной литературы, вышедшей главным образом в Советском Союзе, начиная с 1945 года. Третье издание иллюстрировано гравюрами по дереву, исполненными Михаилом Флорианом. В этом издании находим значительно более расширенное по сравнению с первыми двумя послесловие переводчика. Комментарии к переводу сделаны на основе советских и других исследований „Слова“. Из приложенного в конце книги списка использованной переводчиком и комментатором литературы мы видим, что Ф. Кубка был знаком с изданиями „Слова“ Н. Гудзия, А. Югова, Д. Лихачева, Е. Ляцкого, А. Орлова и с книгой Грегуара, Р. Якобсона и М. Шефтеля.³ Кроме того Ф. Кубкой были использованы статьи о „Слове“ Д. Айналава и М. Приселкова.

В журнале „Slovesná věda“ под заголовком „Новый перевод «Слова о полку Игореве» на чешский язык“ была помещена рецензия на третье издание „Слова“ в переводе Ф. Кубки. Автор рецензии Ганна Скалова⁴ сверяет чешский перевод Ф. Кубки с текстами „Слова“, вышедшими под редакцией А. С. Орлова в 1946 году и Д. С. Лихачева — в 1950 году, и указывает на ряд ошибок, допущенных в переводе. Общим недостатком перевода рецензент считает то, что переводчик не отразил в достаточной мере языческие пережитки в „Слове“. Между тем „Слово“ — „богатый кладезь“ для исследователя славянской мифологии. Кроме того, Р. Якобсон, как это указывает Скалова, считает следы славянской мифологии одним из доказательств подлинности „Слова“. Ошибочным считает рецензент толкование Кубкой Трояна. Скалова придерживается толкования Д. С. Лихачева, видящего в Трояне славянское божество.

Вскоре после появления в свет первого и второго издания „Слова“ в переводе Ф. Кубки на чешский язык появляется перевод „Слова“ на словацкий язык.⁵

¹ На эти издания появились отклики в советской печати: рецензия Н. К. Гудзия в журнале „Огонек“ № 11, 1947, и упоминание в статье П. Н. Попова „«Слово о полку Игореве» в изобразительном искусстве XIX и XX вв.“ в сборнике „Слово о полку Игореве“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 477—478.

² Slovo o pluku Igorově. Ze staré ruštiny přeložil, doslovem a vysvětlivkami opatřil František Kubka. Původními dřevoryty vyzdobil a graficky upravil Michal Florian. Nakladatelství Melantrich v Praze. Od základu přepracované vydání třetí, s dřevoryty Michala Floriany v Melantrichu první Datum vydání Říjen, 1950.

³ La geste du prince Igor épopée russe du douzième siècle. Text établi, traduit et commenté sous la direction d'Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel, assistés du J. A. Joffe. New York, 1948. École libre des Hautes études à New York. Université libre de Bruxelles. Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, t. 8, 1945—1947.

⁴ Hanna Skalová. Nový překlad „Slova o polku Igorově“ do češtiny. Slovesná věda, Sborník pro literární historii, teorii literatury a literární kritiku. Ročník V, V Praze, 30 června 1952, číslo 1—2.

⁵ Slovo o pluku Igorovom, Igora syna Sviatoslava vnuka Oléga. Preklad zo starej ruštiny, komentáre a študia pod redakciou univ. prof. Dr. A. V. Isačenkú. Pôvodné dřevoryty a iniciály od L'Fullu. Nakladateľ Ján Horáček. Bratislava. 1947.

Этот первый перевод „Слова“ на словацкий язык — результат коллективной работы участников семинара по изучению русской литературы Словацкого университета в Братиславе 1946—1947 годов. Перевод сопровождается вступительной статьей о „Слове“, написанной А. В. Исаченко, и послесловием Я. Коморовского „«Слово о полку Игоре» у западных славян“, где дается история переводов и изучения „Слова“ у поляков, чехов и словаков. Словацкий перевод снабжен комментарием, сделанным на основе комментариев Н. С. Державина, А. К. Югова, В. Н. Перетца, В. Ф. Ржиги и С. К. Шамбинаго.

В словацком журнале „Slovo a tvar“ была помещена рецензия на словацкий перевод „Слова“.¹ Рецензент В. Кохол отмечает, что рецензируемый перевод является первым полным словацким переводом „Слова о полку Игоре“. В XIX веке словаки Рожняй и Гаттала переводили „Слово“ не на словацкий, а на чешский язык. Сравнительно недавно словацким переводчиком и исследователем Пушкина Р. Бртанем был переведен „Плач Ярославны“. Но перевод „Плача Ярославны“, по мнению рецензента, был модернизирован. Самый факт появления полного словацкого перевода „Слова“, причем сделанного силами русского семинара Словацкого университета, свидетельствует, по словам рецензента Кохола, не только о высоком уровне семинара, руководимого А. В. Исаченко, но и является доказательством того, что растут новые кадры квалифицированных переводчиков с русского языка. Рецензент подробно сравнивает словацкий перевод с оригиналом и русским переводом в издании А. С. Орлова и показывает на ряде примеров, что переводчики иногда отходили от оригинала, в то время как могли бы более близко держаться его при своем переводе. Так, рецензент указывает, что переводчики несколько видоизменяли смысл отдельных слов, порядок слов и т. п. Но все эти замечания не снижают большой ценности словацкого перевода. Кохол приветствует перевод „Слова“, древнерусского памятника, являющегося всеславянской культурной ценностью. Факт появления в свет первого полного перевода на словацкий язык „Слова о полку Игоре“ является ярким показателем того, какой живой интерес проявляет словацкая молодежь к лучшим образцам не только советской, но и классической русской литературы.

Одновременно с переводами появляются исследования, посвященные „Слову о полку Игоре“. Так, в 1947 году в журнале „Slovo a slovesnost“ публикуется статья К. Горалка „К вопросу о жанре «Слова о полку Игоре»“.²

К. Горалек указывает на сложность изучения „Слова“. По мнению автора статьи, на многие вопросы о стиле и композиции „Слова“ мы сможем дать ответ после того, как будет решен вопрос, к какому литературному жанру следует отнести „Слово“. Это поможет переводчикам и комментаторам „Слова“ преодолеть ряд затруднений. К. Горалек рецензирует доклад И. Еремина „«Слово о полку Игоре»“. К вопросу о его жанровой природе, прочитанный им в Саратове (доклад был опубликован в „Ученых записках ЛГУ“, в серии филологических наук, 1944, вып. 9, стр. 3—18). В словацком журнале „Slovo a tvar“ в 1947 году

¹ V. Kochol. Slovo o pluku Igorovom. Slovo a tvar, Revue pre jazykovedu, štylistiku a slovesnost'. Rediguje univ. prof. Ph. Dr. Eugen Pauliny. Ročník I, 1947, číslo 4. Vydáva štátne nakladateľstvo v Bratislave (starostlivosťou Bratislavského lingvistikého kroužku).

² K. Horálek. K otázce tvarového charakteru „Slovo o polku Igorově“. Slovo slovesnost. List pražského lingvistického kroužku. Ročník X, 1947, číslo 2, с тр. 112—114.

вышла статья Я. Коморовского „К вопросу о переводе «Слова о полку Игореве» на словацкий язык“.¹

В 1950 году вышла обзорная статья Славомира Вольмана о состоянии исследования „Слова“ за 150 лет после выхода в свет первого издания этого памятника.² Автор ставит в ней своей задачей дать обзор изучения „Слова“, главным образом начиная с 30-х годов нашего столетия и выдвигает две главные проблемы, стоящие перед современными исследователями „Слова“: 1) вопрос о подлинности и древности „Слова“, 2) „Слово“ как художественное произведение. Дискуссия о подлинности и древности „Слова“ приводит автора к следующему заключению: „Слово“ является подлинным памятником древнерусской литературы домонгольского периода. „Задонщина“ находится в зависимости от „Слова“. Главная ценность дискуссии о подлинности „Слова“ состоит в том, что подробно были разобраны все вопросы за и против подлинности „Слова“ и что подлинность „Слова“ была окончательно доказана. Дискуссия значительно обогатила научный анализ „Слова“ и принесла новые заслуживающие внимания лингвистические, литературоведческие, исторические и другие факты. Несмотря на всё это, остаются нерешенными некоторые спорные детали.

Второй вопрос — о художественности „Слова“, — по мнению С. Вольмана, недостаточно разработан до последнего времени. С. Вольман приводит тезисы статьи Франка Вольмана „Определение жанра «Слова о полку Игореве»“: 1. Не следует считать, что в Киевской Руси XII века была твердо установленная жанровая структура для отдельных произведений, как это полагает И. Еремин. 2. Требование обязательного присутствия стиха в героическом эпосе как неперменного признака этого эпоса является только домыслом. Звуковая организация „Слова“ свидетельствует о наличии в этом произведении ритма. Стремление видеть различие между героическим эпосом и воинской повестью в том, присутствует или отсутствует в данном произведении стих, указывает только на догматичность теоретиков современной поэтики, не считающихся с развитием литературных произведений. 3. „Слово“ следовало ряду традиций и было подвержено различным влияниям, как литературным, так и фольклорным. 4. Наименование „Слова“ не должно быть изначальным для произведения, ныне именуемого „Словом о полку Игореве“. Наименование памятника „Словом“ могло быть применено в этом произведении в измененном значении. Для определения жанра „Слова“ следует исходить из его значения, общественной тенденции, агитационности и политической направленности. 5. Подражание автора „Задонщины“ „Слову“ объясняется сходной идейной направленностью этих двух памятников.

В пятом номере журнала „Slovesná věda“ были напечатаны дополнения Вацлава Поляка³ к статье С. Вольмана „Состояние исследования о «Слове о полку Игореве»“, помещенной в этом же журнале в номере первом. В своей заметке В. Поляк делает ряд библиографических дополнений к статье С. Вольмана, указывает на ряд работ советских уче-

¹ J. Komorovský. K překladaňiu „Slova o pluku Igorovom“ do slovenčiny. Slovo a tvar. Ročník I, 1947, číslo I, стр. 21—25.

² S. Wollman. Slovo o polku Igorove. Stav výzkuma 150 let po I vydání. Slovesná věda. Sborník pro literární historii, teorii literatury a literární kritiku vede Albert Pražák. Redigová: J. B. Čapek, K. Krejčí, F. Wollman. Vydává: Literární historická společnost. Ročník III. V Praze, 1950, číslo 3, стр. 134—146.

³ Dodatky k stavu výzkuma Slova o polku Igorove. Slovesná věda. Ročník III. V Praze I, 1951, číslo 5, стр. 245—248.

ных (П. Н. Беркова, С. Ф. Елеонского, Л. А. Творогова, Л. П. Якубинского, Д. С. Лихачева, В. П. Адриановой-Перетц), не упомянутых С. Вольманом. Кроме того, В. Поляк называет итальянский перевод „Слова“¹ и несколько статей о „Слове“, вышедших за границей. В. Поляк отмечает статью Стендера Петерсена, где приводится ряд мелких дополнений и примечаний к комментариям о „Слове“ Якобсона.² Далее отмечается им статья на русском языке Николая Дылевского „«Бусым» или «босым волком» в «Слове о полку Игореве»“.³ Н. Дылевский подробно рассматривает все высказывания исследователей о написании „бусым“ или „босым“ в первоначальном тексте „Слова“, а также останавливается на этимологическом разборе этого эпитета. Н. Дылевский после тщательного рассмотрения всех „за“ и „против“ написания слова „босым“ и „бусым“ утверждает, что в первоначальном тексте стояло „босым“. Вопрос об этимологии этого слова автор статьи оставляет открытым. Заключает Дылевский свою статью словами: „Будем надеяться, что появление интереснейшей работы В. А. Гордлевского и нашей маленькой заметки, посвященных одному и тому же вопросу, хотя и рассматривающих его с различных сторон, вызовет отклики и других специалистов и что в результате дружных усилий славистов и тюркологов-ориенталистов «Слово» будет поставлено на незыблемую основу, к огорчению скептиков и заслуженной радости всех, видящих в нем — во всеоружии научных данных — подлинное произведение конца XII ст.“.

В своем обзоре исследований „Слова о полку Игореве“ В. Поляк особо отмечает значение ряда работ для опровержения точки зрения А. Мазона, пытающегося обосновать позднее происхождение „Слова“.

Богумила Застерова свою статью посвящает вопросу о личности русского барда Бояна. Она останавливается на двух работах болгарских ученых, посвященных вопросу о личности Бояна: на работе В. Николаева⁴ и статье И. Дуйчева.⁵ В. Николаев считает, что упоминаемый в „Слове“ Боян был сыном болгарского царя Симеона, И. Дуйчев же полагает, что Боян был певцом древней Руси. Б. Застерова приходит к выводу, что сходство свидетельства Лютипранда о Бояне с местами, посвященными Бояну в „Слове“, позволяет предположить, что рассказы о болгарском маге Бояне были одним из мотивов, которые использовал автор „Слова“ при создании образа Бояна. В заключение Б. Застерова указывает, что анализ образа Бояна свидетельствует о сложности творческого процесса автора „Слова“.

Четыре издания „Слова о полку Игореве“ (три чешских и одно словацкое), а также исследования, посвященные этому памятнику, вышедшие за последние годы (1946—1951), — яркий показатель того внимания, какое чехословацкая научная общественность уделяет лучшим образцам русской поэзии.

¹ Detto della Campagna di Iger. L. Pacini Savoj. Napoli, Raffaelli Pironti e figlio, 1946, стр. 74.

² A. Stender-Petersen. The Igor Tale. „Word“, 4, 1948, стр. 143—154.

³ Николай Дылевский. „Бусым“ или „босым волком“ в „Слове о полку Игореве“. Известия на Камарата на народната култура, Хуманитарни науки, т. IV, № 5, София, 1947, стр. 203—225.

⁴ В. Николаев. Славянобългарският фактор в християнизацията на Киевска Русия. София, 1949.

⁵ И. Дуйчев. Боян Магесник. „Проучвания върху българското средновековие“, София, 1945.